

Политическая лингвистика. 2024. № 1 (103).
Political Linguistics. 2024. No 1 (103).

УДК 821.161.1-31(Сорокин В. Г.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)63-444

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Май Судань^{1✉}, Чэнь Хуэй^{2✉}

¹ Коммерческий институт Наньго при Гуандунском ун-т иностранных языков и международной торговли, 18898604502@163.com[✉], <https://orcid.org/0009-0002-2124-2757>

² Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай, 1007686179@qq.com[✉], <https://orcid.org/0009-0004-5325-8694>

Анализ образа Козьмы в повести В. Г. Сорокина «Метель» в аспекте концептуализма

АННОТАЦИЯ. Цель исследования — глубже изучить понятие и главные черты московского концептуализма в русской литературе путем как упорядочения теоретических положений существующей научной литературы по вопросу, так и анализа конкретного материала — идейно-концептуальной системы, воплощаемой в обыгрывании традиционных культурных типажей в повести В. Г. Сорокина «Метель». Научная новизна заключается в том, что существующие исследования этой повести в основном фокусировались на мотиве метели и отношениях крестьянина с интеллектуалом, а в данной статье анализируются с точки зрения художественных принципов московского концептуализма три аспекта: Козьма как «юродивый», Козьма как «христианин», Козьма как толстовский крестьянин, что позволяет продемонстрировать идейно-концептуальную систему повести через анализ образа Козьмы. В результате было установлено, что «Метель» полностью соответствует принципам концептуализма, проявляющимся во всем от названия, жанра до выбора героев и проблематики. Московский концептуализм — уникальное, самобытное явление в мировой литературе. Особое внимание московские концептуалисты уделяют воссозданию типичных структур мышления и стереотипов массового сознания, основой для них служит работа с собственным сознанием, а произведение лишь фиксирует, оформляет эту работу. В творчестве В. Г. Сорокина этому соответствует предпочтение художественного приема пародии, когда с помощью иронии пародируются литературные сюжеты, исторические личности, бытовые явления, классическая литература — все это предстает в нелепом виде, подвергается деконструкции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, повести, литературные образы, литературные герои, В. Г. Сорокин, московский концептуализм, «Метель» (повесть), юродство, культурные архетипы, литературные типажи, пародия, ирония.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Май Судань, магистр, Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли, 510545, Китай, пров. Гуандун, пр-т Лянтяньчжунлу, 181; email: 18898604502@163.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ-КОРРЕСПОНДЕНТЕ: Чэнь Хуэй, доктор филологических наук, профессор, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; Китай, 2 Baiyun N Ave, Baiyun, Guangzhou, Guangdong; email: 1007686179@qq.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья выполнена при поддержке гранта Коммерческого института Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли «Анализ образа Козьмы в повести Сорокина В. Г. „Метель“ с позиций концептуализма» (24-004С).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Май, Судань. Анализ образа Козьмы в повести В. Г. Сорокина «Метель» в аспекте концептуализма / Май Судань, Чэнь Хуэй. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 1 (103). — С. 179-185.

Mai Sudan^{1✉}, Chen Hui^{2✉}

¹ Guangdong University of Foreign Studies South China Business College, Guangzhou, China, 18898604502@163.com[✉], <https://orcid.org/0009-0002-2124-2757>

² Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China, 1007686179@qq.com[✉], <https://orcid.org/0009-0004-5325-8694>

Analysis of the Image of Kozma in “The Blizzard” by Vladimir Sorokin From the Perspective of Moscow Conceptualism

ABSTRACT. The aim of the study is to explore the concept and the main features of Moscow conceptualism in Russian literature in depth by both summarizing the theoretical ideas in the existing scientific literature on the issue and analyzing specific material — the ideological and conceptual system embodied in the presentation of traditional cultural types in V. G. Sorokin's novel “The Blizzard”. The scientific novelty of the paper lies in the fact that the existing studies of this story mainly focus on the motif of the blizzard and the relationship between a peasant an intellectual, and this article analyzes three aspects from the point of view of the artistic principles of Moscow conceptualism: Kozma as a “holy fool”, Kozma as a “Christian”, Kozma as a Tolstoy peasant, which allows demonstrating the ideological and conceptual system of the story through the analysis of the image of Kozma. As a result, it has been found that “Blizzard” fully complies with the principles of conceptualism, manifested in everything from the title and the genre to the choice of the characters and problems. Moscow conceptualism is

© Май Судань, Чэнь Хуэй, 2024

a unique and original phenomenon in the world literature. Moscow conceptualists pay special attention to recreating typical structures of thinking and stereotypes of mass consciousness, which are based on working with one's own consciousness, and the article only fixes and "frames" this work. In Sorokin's creative activity, this idea is illustrated by the author's preference for the artistic technique of parody, when literary plots, historical figures, everyday phenomena, and classical literature are parodied with the help of irony — all this appears in an absurd form and is subjected to deconstruction.

KEYWORDS: Russian literature, Russian writers, literary creative activity, literary genres, novels, literary images, literary characters, V. G. Sorokin, Moscow conceptualism, "The Blizzard" (novel), holy fool, cultural archetypes, literary types, parody, irony..

AUTHOR'S INFORMATION: Mai Sudan, Master's Degree Student, Guangdong University of Foreign Studies South China Business College, Guangzhou, China.

CORRESPONDENT AUTHOR'S INFORMATION: Chen Hui, Doctor of Philology, Professor, Research Center for Translation Studies and Faculty of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been carried out with financial support of the grant of the South China Business College at the Guangdong University of Foreign Studies "Analysis of the Image of Kozma in "The Blizzard" of Vladimir Sorokin From the Perspective of Moscow Conceptualism" (24-004C).

FOR CITATION: Mai Sudan, Chen Hui. (2024). Analysis of the Image of Kozma in "The Blizzard" by Vladimir Sorokin From the Perspective of Moscow Conceptualism. In *Political Linguistics*. No 1 (103), pp. 179-185. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данной научной статьи заключается в том, что 1) значимость фигуры Владимира Сорокина для современного литературного процесса не подлежит сомнению, анализ его произведений весьма полезен для рассмотрения постмодернистской литературы; 2) московский концептуализм часто называется «вторым русским авангардом», играет важную роль в современной русской литературе, особенно в литературе постмодернизма, без ясного представления о нем не может быть и речи о полном понимании постмодернистской литературы.

В данной статье, анализируя повесть «Метель» с акцентом на чертах концептуализма, мы используем метод анализа литературы для выявления особенностей московского концептуализма и творчества В. Сорокина, а также метод текстуального анализа для выявления концептуальной системы произведения Сорокина.

Теоретическая значимость данной статьи заключается в том, что она способствует более глубокому пониманию московского концептуализма как течения современной русской литературы.

Практическая значимость состоит в том, что выводы, обобщения и конкретные наблюдения над материалом, содержащиеся в данной работе, могут в дальнейшем послужить подспорьем читателям и исследователям повести В. Г. Сорокина «Метель», а также помочь в исследовании других его произведений.

ПОЭТИКА КОНЦЕПТУАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ В. Г. СОРОКИНА

Понятие «концептуализм» изначально зародилось в сфере философии, в после-

дующие культурные периоды философские идеи концептуализма получили признание и развитие в искусстве, а затем под влиянием распространения этих идей в философии и искусстве возник московский концептуализм, ставший уникальным российским явлением. Идеи указанных доктрин взаимосвязаны, во всех сферах при их использовании акцент делался на концепциях и смыслах. Московский концептуализм является важным течением русской и даже мировой литературы, он охватывает самые разные формы современного искусства, такие как поэзия, проза, альбомы, живопись, графика, инсталляция, перформанс и т. д. Особое внимание московские концептуалисты уделяют воссозданию типичных структур мышления и стереотипов массового сознания, основной для них становится работа с собственным сознанием, а произведение лишь фиксирует, оформляет эту работу. В. Г. Сорокин — современный русский писатель, ведущий представитель концептуализма в прозаических жанрах, один из самых дискуссионных авторов современной русской литературы. В его произведениях часто встречаются приемы деконструкции, абсурдности, пародичности, причудливые, порнографические и непристойные элементы, так что дискуссии вокруг его произведений достигают высокой степени накала и имеют широкий общественный резонанс. Таким образом, его произведения уже стали одним из главных объектов исследования постмодернистской литературы. По мнению многих ученых, прежде всего из всех видов художественных приемов Сорокин мастерски использует пародию. С помощью пародии и иронии он в своих творениях пародирует известные сюжеты, исторические личности, бытовые явления, литературную классику и т. д., выставляет все в

нелепом и смехотворном виде, деконструирует указанные элементы, чтобы привлечь читателей, произвести на них эстетический эффект и побудить к размышлению.

Повесть «Метель» была написана в 2010 г., в данной повести В. Г. Сорокин пародически использует языковой стиль классических русских романов XIX в., вступает с ними в активный диалог, создавая напряженную, загадочную атмосферу с непредсказуемым ходом событий. Именно в этой повести В. Г. Сорокин мастерски применяет пародию и метафору, описывая крестьянина Козьму как неклассического юродивого, христианина и толстовского крестьянина, деконструирует понятия — культурные типажи «юродивый», «христианин» и «толстовский крестьянин», создавая собственную концептуальную систему, тем самым возбуждает у читателей интерес и достигает ключевой цели — стимулировать читателей думать и искать новые смыслы концептуальных символов.

КОЗЬМА КАК НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ЮРОДИВЫЙ

Козьма в «Метели» обладает типичными чертами «юродивых Христа ради». По внешнему виду Козьма очень неряшлив и неухожен, это худощавый и узкоплечий мужик с взлохмаченной рыжей головой и клочковатой бородкой. У него большие заскорузлые пальцы с грязными ногтями, узкие плечи, кривые ноги, клешнеобразные руки и неровные зубы. В одном эпизоде он стоит босой, только в исподнем перед доктором Павлом Ильичом.

В ходе жизни он остался в одиночестве: ушел из отцовского дома, с детства отказывался от детских игр, жил без жены и детей. Его изба была сильно покосившейся, неказистой и старой, с проломленной соломенной крышей, наспех прикрытой жердинами. Можно даже сказать, что он жил практически под открытым небом. Всё вокруг было замечено и отсутствовали следы человека, словно в избе и не жил никто. Персонаж пребывал в нищете, его одежда изнасилась и превратилась в лохмотья, включала старый дырявый тулуп, в избе из мебели можно было заметить лишь сундук и железную кровать.

Козьму отличают умиротворенность, кротость, смирение, сострадание, бесхитрость, бескорыстность и чистота. Несмотря на бедность, он всем совершенно доволен. Он не проявлял интерес к деньгам и признанию: так, когда доктор Гарин спросил его, какое вознаграждение его устроит, он ответил: «Да на что мне...» [Сорокин 2010: 9]. Несмотря на чрезвычайно скромную обстановку в избе, в углу всё же темнела одино-

кая икона. Козьма — искренний и добрый человек, он равнодушно относился к собственной жизни, но изо всех сил заботился о животных. Конюшня его лошадок «была новорубленной, крытая широкой дранкой, с хорошо проконопаченными стенами, с двумя утепленными окошками» [Сорокин 2010: 11]. Персонаж покорен всему происходящему и окружающему: метели, снежным полям, темному небу, доктору и пляшущему на ветру огню, сам смиренно выносил порку, но не мог видеть, как секут других. Он никогда не гневался, никого не оскорблял словом, в ответ на поношения и оскорбления доктора Гарина и мельника всегда улыбался. Козьма был готов отказаться от себя: заблудившись с доктором Гариным в лесу, он пожертвовал своей жизнью для того, чтобы защитить Гарина от холода и спасти его.

Все эти признаки совпадают с характерными чертами изображения юродивых. Кроме того, Гарин всё время называет Козьму дураком: «с ненавистью... к дураку и рото-зею Перхуше... к дурацкому самокату с дурацкой расписной спинкой и дурацкими карликовыми лошадьми в дурацком фанерном капоре» [Сорокин 2010: 59]; «Чего расселся, дурак! Поехали!» [Сорокин 2010: 84]. И Козьма сам так себя именуется, когда огорчен потерей гвоздя: «Дурак, потому и упустил. <...> Дурак я, дурак» [Сорокин 2010: 109].

Однако Козьма здесь не полностью соответствует классическому образу святых дураков: Сорокин пародировал и деконструировал понятие и культурный сценарий «Юродство Христа ради». Классические юродивые Христа ради, известные по житиям, стремятся к высшему совершенству духа и близости к Богу. Обычно они происходят из монастыря, являются интеллектуалами, могут читать, понимать и прилагать к практике христианские доктрины, таким образом, способны самостоятельно, осознанно выбирать подвижничество, чтобы достичь умственного прозрения и совершить подвиг юродства Христа ради. Юродство Христа ради — это явление, характерное как для народа, так и для высокостатусной интеллигенции. Известный китайский ученый Ван Чжигэн в одном интервью заявил, что интеллектуалы больше подвержены влиянию юродства, чем обычные люди. Профессор Санкт-Петербургского государственного университета В. В. Колесов также сказал: «Русская интеллигенция — это светская версия юродивых, и различные характеристики юродивых концентрированно воплощаются именно в них» [Сунь Хайин 2013: 10]. Козьма представляет собой низкорослого, худощавого и узкоплечевого мужика, во всем прояв-

ляет себя как представителя неграмотных и непросвещенных русских крестьян. Ясно, что тем самым В. Сорокин ненавязчиво заменил интеллигенцию крестьянским сословием. Хотя у Козьмы имеются некоторые черты юродивых, такие как неряшливость и нечистоплотность во внешности, доброта и набожность в характере, но по сути эти характеристики тоже значительно разнятся с классическими для образа юродивых Христа ради, особенно в духовной жизни. В качестве неграмотного и непросвещенного русского крестьянина, Козьма не может сам читать религиозные книги, не говоря уже о подлинном понимании догматов христианства. Он просто подражает внешности и поступкам «святых дураков» в религиозной жизни, но с духовной точки зрения не может называться истинным святым дураком. Хотя в финале он пожертвовал своей жизнью и спас доктора Гарина, он поступил так не потому, что постигнул самую суть догматов христианства и решил совершить великий подвиг веры, а потому, что по природе простодушен, честен и добр. Таким образом, через пародию и деконструкцию понятия «Юродство Христа ради» В. Сорокин раскрыл слепоту и невежество русских крестьян в религиозной жизни, выразил мнение, согласно которому, невзирая на официальный статус православия в России, христианство всё же не может глубоко укорениться в сознании и сердце русских крестьян, не может преобразовать их мировоззрение.

КОЗЬМА КАК НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ХРИСТИАНИН

В повести есть целый ряд деталей, символически связывающих образ Козьмы с христианством. Он живет в седьмом доме, а семь в христианстве — символическое число, которое обозначает Божьи дела; это также число полноты, законченности, совершенства, вечности, бесконечности и творения. Работа Козьмы — перевозка хлеба, являющегося основным и неотъемлемым элементом таинства евхаристии: «У хлебова в сенях пахло почему-то пасекой — ульями, пергой и воском» [Сорокин 2010: 10]. В христианстве пчела упоминается в выражениях «святая пчела», «Божья угодница», рассматривается как чистое, священное существо, символ бессмертия и воскрешения, который соотносится с Иисусом Христом. А пчелиный мед — обрядовая, ритуальная пища, его чистота и сладость сделали его символом промысла Божьего и пастырства Христова. Рай, обретенный верующим в награду за жизнь праведную, называют именно «землей молока и меда». Когда Вавила по-

просил Козьму подержать жеребца, дельфин отвлек на себя внимание Козьмы, и оказался настолько притягательным, что Козьма про жеребца забыл, а того и след простыл. В христианской символике дельфин отождествляется с Иисусом Христом как творцом и спасителем, с воскресением и спасением, иногда заменяет ковчег спасения и возрождения. А дельфин с якорем или кораблем олицетворяет церковь, ведомую Христом. История с коконом бабочки также свидетельствует о том, что этот персонаж связан с миром христианства, так как стадии развития бабочки в религиозных сочинениях олицетворяют жизнь, смерть и воскресение.

Помимо вышеназванных деталей, Козьма истово верит в Бога, всё связывает с благословением Бога, всё время повторяет фразу: «Слава Богу». Отправляясь в путь с Гариним, он молитвенно обращался к Богу: «Ну, с Богом... Н-но!»; говоря о том, что от него ушла жена, прибавил: «Ушла. И слава Богу». Это же выражение сопровождало рассказ о приносящей удовлетворение работе: «Хлеб вожу и вожу. И слава Богу». Герой выражал Богу благодарность и за то, что теперь не перхает по ночам: «Господь уберег» [Сорокин 2010: 14–16]. Когда доктор Гарин решил переночевать в доме мельника, Козьма сходным образом выразил радость: «Слава Богу» [Сорокин 2010: 37]. Когда они ушли из дома мельника, заблудились и не нашли дорогу, Козьма тоже уповал на Бога: «Бог даст, до Посада доберемся» [Сорокин 2010: 54]. Когда Козьма направил самокат по следам и самокат пошел по затвердевшему снегу, со словами: «Слава Богу! перекрестился Перхуша». Когда после длительных блужданий впереди наконец показалась роща, «Слава Богу... рассмеялся Перхуша» [Сорокин 2010: 55–58]. Все эти детали доказывают, что в повести «Метель» Сорокин стремится изображать Козьму как благочестивого верующего.

Хотя Козьма внешне связан с христианством, он не является чистым христианином. В повести В. Сорокин намеренно упоминает об этом: Козьма поместил икону в избе, подражает юродивым и верит в существование духов из мифологии восточных славян. Это доказывает, что в сознании Козьмы параллельно сосуществовали элементы традиционного христианства и дохристианских языческих верований. Такое явление действительно значимо для России и даже имеет специальное название — «двоеверие». Это своеобразное культурно-психологическое и историческое явление, начало которому положило насильственное крещение в 988 году, когда язычество заставляли менять на

христианство, весь процесс религиозных перемен проходил с болью и кровью, сопровождался истязаниями представителей народа, особенно крестьян. Сложившаяся двойная вера во многом связана с русскими крестьянами, которые стали основной частью русских верующих. Они жили в глубинке, достаточно далеко от культурных центров, так что либо вовсе ничего не знали о христианстве, либо имели очень слабое, отдаленное представление о религиозных догматах. Как неграмотные и непросвещенные люди, крестьяне не могли сами читать вероучительные книги, поэтому не приходилось говорить о подлинном понимании догматов христианства. Сельские проповедники, имевшие низкий уровень образования и грамотности, в большинстве своем не были способны объяснить суть религиозных доктрин доходчивым языком, могли только рассуждать, придерживаясь готовой схемы, и читать по книге. В связи с этим население на окраинах, в сельских общинах во многом оставалось языческим, — крестьяне сохраняли в своем мышлении традиционные религиозные убеждения, настаивали на традиционных религиозных обрядах, и в такой ситуации церковь вынужденно инкорпорировала народные верования, чтобы получить большее признание. Таким образом, русское православие, под влиянием менталитета крестьян, в значительной степени впитало традиционные верования, под эгидой православия люди проводят сохранившиеся со времен язычества обряды и придерживаются других традиционных верований. Об этом говорили многие специалисты. Философ-славянофил А. С. Хомяков утверждал, что привнесенное на Русь христианство не изменило общественного сознания населения: Русь «в большей части своего населения приняла более обряд церковный, чем духовную веру и разумное исповедание Церкви» [Хомяков 1861: 232]. Д. С. Лихачев отметил, что «в крестьянской среде христианство распространялось очень быстро. И это невозможно было при помощи меча, но возможно при помощи самого язычества, которое христианизировалось и делало понятным христианство» [Лихачев 1988: 10–11]. По мнению Н. С. Гордиенко, «двоеверие, сначала явное, затем скрытое, впоследствии было преодолено русским православием, но преодоление это оказалось в значительной степени формальным, и достигла его церковь ценой компромисса, посредством приспособленчества. Византийское христианство не устранило славянское язычество из сознания и повседневного обихода народов нашей страны, а ассимилировало его, вклю-

чив языческие верования и обряды в свой вероисповедно-культурный комплекс» [Гордиенко 1986: 99–100]. В повести Козьма почитает икону, подражает юродивым и верит в существование духов из мифологии восточных славян, т. е. феномены иконопочитания, юродства, а также религиозного мистицизма в полной мере демонстрируют двоеверие.

КОЗЬМА КАК НЕКЛАССИЧЕСКИЙ «ТОЛСТОВСКИЙ КРЕСТЬЯНИН»

Сам сочинитель признавался, что в разное время на него оказывали влияние различные писатели, но конкретно указывал на Гоголя, Толстого, Кафку и Хармса. Известный современный русский критик П. Басинский при анализе повести «Метель» отмечал, что В. Сорокин заимствовал сюжетную структуру, образы героев и другие детали из классического текста — рассказа Л. Н. Толстого «Хозяин и работник». В изображении Л. Н. Толстого мир крестьянства самодостаточно и гармоничен, в его глазах крестьянин — труженик, «смиранный, трудовой, христианский, кроткий, терпеливый народ, который вырастил и держит на своих плечах всё то, что теперь так мучает и старательно возвращает его» [Толстой 1956: 273]. Определение «христианский» здесь относится именно к простой народной вере, которая не уничтожает понимание любви и доброты. Этот вид веры на самом деле представляет собой смесь христианства и язычества, передаваемого из поколения в поколение. При описании образа Козьмы В. Сорокин явно следует этой толстовской традиции.

И Козьма в «Метели», и Никита в «Хозяине и работнике» представляют собой типичный для русской классической литературы идеализированный образ крестьянина. Оба они верующие, исповедуют «христианство», но не являются чистыми христианами. Они добры и просты, хорошо знают свое дело и вообще мастера на все руки, игнорируют богатство, подчиняются судьбе и бесстрашно принимают смерть. Как работник Никита у Толстого, Козьма очень любит своих лошадей. Он трогательно заботится о них, как о собственных детях, готов терпеть побои от рассерженного доктора, но ни в коем случае не дает в обиду своих маленьких лошадок. Очевидно, при создании образа Козьмы Сорокин намеренно ведет диалог с создавшим идеальный тип представителя простого народа Толстым. Таким образом проявляется интертекстуальность.

Хотя у упомянутых персонажей много общего, на самом деле судьбы Никиты и Козьмы развиваются по-разному: в «Мете-

ли» В. Сорокин пародирует и деконструирует концовку истории Л. Толстого «Хозяин и работник». В рассказе Толстого хозяин Брехунов покидает в поле работника Никиту в беде, а сам пытается спастись, но, не найдя дороги, возвращается назад. При виде окоченелого Никиты в нем тут же происходит внутренний духовный переворот. Он прикрывает своим телом и спасает от смерти Никиту, а сам замерзает. При жизни он думает только о личной выгоде, гонится за деньгами и барышами, но уходит из этой жизни умиротворенным и просветленным. Всё это отражает идеалистические взгляды Толстого: всякое зло можно исправить образом жизни крестьянина, и крестьянин может оказывать моральное воздействие на душу, которая проявляет ненасытную жадность к деньгам и выгодам, в конечном счете способен даже очистить ее. Никита очищает грешную душу Брехунова и позволяет тому совершить свою миссию, уйдя из этой жизни умиротворенным и просветленным.

Такое развитие сюжета довольно точно повторено в повести «Метель», но В. Сорокин не стал воплощать высокие мечты о духовном подвиге. Он реконструирует идеальный мир, воссоздает национальные ценности в противопоставлении материальных интересов и духовной свободы, ищет новую модель действительности, в которой они могут сосуществовать. Когда самокат окончательно застрял в ноздре огромного, замерзшего на дороге великана, доктор Гарин тоже бросил Перхушу в поле среди метели, а сам попытался пешком добраться до жилья. Долго проплутав в поисках дороги и выбившись из сил, Гарин вернулся назад. Своим большим телом и неловкими движениями эгоистичный доктор разорвал фанерный короб самоката, в котором спрятался от непогоды возница со своими лошадаками, и это погубило Перхушу, замерзшего насмерть. Гарин так и не нашел себя, не осознал своего истинного призвания, не совершил свою миссию и даже словно не достоин очищающей смерти. По мнению В. Сорокина, Козьма не смог своим благочестием и добротой очистить Гарина, не выдержавшего искушения и не сумевшего силою веры добраться до села Долгое, чтобы спасти больных. Сила веры очень важна для формирования личности, но важны и материальные условия. Такое мнение можно вычитать в намеченном в повести «Метель» различии эпох. В повести мастерски соединяются прошлое, настоящее и будущее России: в художественном мире Сорокина временные различия как бы микшируются, размываются, даже стираются. И с точки зрения Сорокина, в буду-

щем Россия останется всё такой же: неуроженной, бедной, безлюдной, бездорожной, снежной и холодной, социальное развитие современной России идет относительно медленно, даже движется назад. Отсталые материальные условия жизни, неудачные природные факторы и невежественная вера заставляют деревню остановиться в развитии на уровне XIX–XX вв., и Козьме, и Гарину не дано прорваться сквозь пространственные преграды и смертельные угрозы метели. Прибытие к селу Долгое обречено на провал. Мнение В. Сорокина отличается от толстовского, современный писатель не склонен к идеализированным мечтаниям. В его произведении русский доктор-интеллигент мчится на санях с мешком лекарства, чтобы спасти русский народ, и, как всегда, это не удастся: мечта тонет в беспомощной рефлексии, в слабости человека, в идиотизме крестьянской жизни, в стихии, в бессмыслице, в отсталости обстоятельств материальной жизни. Таким образом, В. Сорокин пародирует и деконструирует концовку истории «Хозяин и работник», деконструирует образ крестьян, чем привлекает внимание читателей, вызывает яркий эстетический эффект и побуждает к осмыслению концептуальных символов. По нашему мнению, одним из вариантов расшифровки смысла повести может быть призыв читателей к размышлениям о будущем развитии российского общества с точки зрения влияния русской культуры, русских крестьян и русской деревни. Только изменив отсталое мышление и улучшив устаревшие материальные условия жизни в деревнях, Россия сможет двигаться к лучшему будущему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проделанный в данной статье анализ позволяет прийти к следующему выводу: «Метель» явно характеризуется как произведение концептуализма, в этом плане абсолютно типичное во всем — от названия, жанра до выбора героев и проблематики. Скрупулезное исследование элементов концептуализма в произведениях В. Сорокина заметно способствует углублению понимания творчества писателя и нюансов его философии, а также идейного и эстетического своеобразия московского концептуализма в целом.

ИСТОЧНИКИ

1. Сорокин, В. Г. Метель / В. Г. Сорокин. — Москва : АСТ, 2010. — Текст : непосредственный.
2. Сорокин, В. Г. Обнять метель. Интервью Н. Кочетковой // Известия. — 2010. — 4 апр. — URL: <https://iz.ru/news/360256> (дата обращения: 15.07.2021). — Текст : электронный.
3. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 37 / Л. Н. Толстой. — Москва : Государственное издательство

художественной литературы, 1956. — 273 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горохов, А. Н. Дальнейшее расчленение Сорокина / А. Н. Горохов. — Текст : непосредственный // Топос. — 2004.
2. Гройс, Б. Е. Московский романтический концептуализм / Б. Е. Гройс. — Текст : непосредственный // Театр. — 1990. — № 4.
3. Гордиенко, Н. С. Крещение Руси: факты против легенд и мифов / Н. С. Гордиенко. — Санкт-Петербург : Лениздат, 1986. — Текст : непосредственный.
4. Генис, А. А. Мой Сорокин / А. А. Генис. — Текст : непосредственный // «Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы / ред.: И. М. Калинин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018 — С. 10–15.
5. Завьялова, Е. Е. Интеллигент и Божий человек из будущего: о главных героях повести В. Сорокина «Метель» / Е. Е. Завьялова. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 397.
6. Затонский, Д. Постмодернизм в историческом интерьере / Д. Затонский. — Текст : непосредственный // Вопросы литературы. — 1996. — Май — июнь. — С. 194–205.
7. Липовецкий, М. Н. Русский постмодернизм : очерки исторической поэтики / М. Н. Липовецкий ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 1997. — 317 с. — ISBN 5-7186-0363-4.
8. Лихачев, Д. С. Предварительные итоги тысячелетнего опыта: беседа А. Чернова с академиком Д. С. Лихачевым / Д. С. Лихачев. — Текст : непосредственный // Огонек. — 1988. — № 10. — С. 10–11.
9. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература. 1950–1990-е годы / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — Москва : Академия, 2003. — Т. 2 : 1968–1990. — 688с. — Текст : непосредственный.
10. Соколов, Б. В. Моя книга о Владимире Сорокине / Б. В. Соколов. — Москва : АИРО, 2005. — Текст : непосредственный.
11. Суродина, Н. Р. Поэтические игры с пустотой московского концептуализма / Н. Р. Суродина. — Studia culturae. — Санкт-Петербург, 2002. — № 3. — С. 94–100.
12. Тух, Б. И. Первая десятка современной русской литературы / Б. И. Тух. — Москва : Оникс 21 век, 2002. — Текст : непосредственный.
13. Хомяков, А. С. Полное собрание сочинений. Т. 1 / А. С. Хомяков. — Москва : Университетская типография, 1861. — 232 с. — Текст : непосредственный.
14. Якушина, И. Русский литературный концептуализм: философские идеи, эстетическая концепция / И. Якушина. — Текст : непосредственный // Меди@льманах. — 2009. — № 3. — С. 9.
15. Сунь, Хайин. Диалог о юродстве и русской литературе / Сунь Хайин, Ван Чжигэн. — Текст : непосредственный // Журнал педагогического университета Ланфан. — 2013. — № 3. — С. 5–10.
16. Fokkema, D. Literary History. Modernism and Postmodernism / Douwe Fokkema. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamen Publ. Comp., 1984. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. Sorokin, V.G. (2010). *Metel'* [Blizzard]. Moskva: AST. (In Russ.)
2. Sorokin, V.G. Obnyat' metel'. Interv'yu N. Kochetkovej. *Izvestiya* [Embrace the snowstorm. Interview with N. Kochetkova. *Izvestia*]. Retrieved from <https://iz.ru/news/360256> (In Russ.)

3. Tolstoj, L.N. (1956). *Polnoe sobranie sochinenij v 90 tomah* [Complete collection of works in 90 volumes] (Vol. 37). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 273p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Gorohov, A.N. (2004). Dal'nejshee raschlenenie Sorokina [Further dissection of Sorokin]. *Topos*. (In Russ.)
2. Grojs, B.E. (1990). Moskovskij romanticheskij konceptualizm [Moscow romantic conceptualism]. *Teatr*, 4. (In Russ.)
3. Gordienko, N.S. (1986). *Kreshchenie Rusi: fakty protiv legend i mifov* [Baptism of Russia: facts against legends and myths]. Sankt-Peterburg: Lenizdat. (In Russ.)
4. Genis, A.A. (2018). Moj Sorokin. In I.M. Kalinin (Ed.), «*Eto prosto bukvy na bumage...*» *Vladimir Sorokin: posle literatury* [“These are just letters on paper...” Vladimir Sorokin: after literature] (pp. 10–15). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
5. Zav'yalova, E.E. (2015). Intelligent i Bozhij chelovek iz budushchego o glavnyh geroyah povesti V. Sorokina “Mete” [Intellectual and God's man from the future about the main characters of V. Sorokin's story “Blizzard”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 397. (In Russ.)
6. Zatonskiy, D. (1996, May–June). Postmodernizm v istoricheskom inter'ere [Postmodernism in the historical interior]. *Voprosy literatury*, pp. 194–205. (In Russ.)
7. Lipovetskiy, M.N. (1997). *Russkiy postmodernizm : ocherki istoricheskoy poetiki* [Russian postmodernism: essays on historical poetics]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 317 p. ISBN 5-7186-0363-4. (In Russ.)
8. Lihachev, D.S. (1988). Predvaritel'nye itogi tysyacheletnego opyta: Beseda A. Chernova s akademikom D.S. Lihachevym [Preliminary results of a thousand-year experience : A conversation of A. Chernov with academician D.S. Likhachev]. *Ogonok*, 10, 10–11. (In Russ.)
9. Lejderman, N.L., & Lipoveckij, M.N. (2003). *Sovremennaya russkaya literatura 1950-1990-e gody (v 2 tomah)* [Modern Russian Literature 1950-1990-ies (in 2 volumes)]. Moscow: Akademiya. (In Russ.)
10. Sokolov, B.V. (2005). *Moya kniga o Vladimire Sorokine* [My book about Vladimir Sorokin]. Moscow: AIRO, 13p. (In Russ.)
11. Surodina, N.R. (2002). Poeticheskie igry s pustotoj moskovskogo konceptualizma [Poetic games with the emptiness of Moscow conceptualism]. *Studia culturae*, 3, 94–100. St. Petersburg. (In Russ.)
12. Tuh, B.I. (2002). *Pervaya desyatka sovremennoj russkoj literatury* [The first ten of modern Russian literature] (pp. 276–278). Moscow: Oniks 21 vek. (In Russ.)
13. Homyakov, A.S. (1861). *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collection of Works] (Vol. 1). Moscow: Universitetskaya tipografiya, 232p. (In Russ.)
14. Yakushina, I. (2009). *Russkiy literaturnyy kontseptualizm: filosofskie idei, esteticheskaya kontseptsiya* [Russian literary conceptualism: philosophical ideas, aesthetic concept]. *Medi@l'manakh*, 3, 9. (In Russ.)
15. Sun' Hajin, & Van Chzhigen (2013). Dialog o yurodstve i russkoj literature [Dialogue on holy fool and Russian literature]. *Zhurnal pedagogicheskogo universiteta Lanfan*, 3, 5–10. (In Chinese)
16. Fokkema, Douwe. (1984). *Literary History. Modernism and Postmodernism*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamen Publ. Comp.